Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 27–50
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-27-50

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Взаимодействие политических элит Великого княжества Литовского и Королевства Польского в контексте формирования Вестфальской системы международных отношений

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

В статье исследуется взаимодействие политических элит Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Королевства Польского в контексте формирования Вестфальской системы международных отношений в XVII в. На основе системного подхода, концепции композитарного государства и теории конфессионализации анализируется влияние международной среды на политическую динамику между литовской и польской элитами.

С момента подписания Люблинской унии 1569 г. элиты ВКЛ стремились закрепить равноправие с польской стороной и последовательно защищали свои интересы во всех политических вопросах, включая внешнюю политику. Особенно интенсивным это взаимодействие стало в XVII веке, что во многом было связано с масштабными политическими и конфессиональными изменениями в Европе, достигшими кульминации в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и получившими юридическое оформление в Вестфальском мире 1648 г.

Исследование показывает, что, несмотря на периодически возникавшие разногласия между элитами Польши и ВКЛ, они не рассматривали друг друга как противников. Напротив, их объединяло конституционное устройство, формировавшаяся вследствие полонизации общая культурная идентичность и необходимость поддержания авторитета Речи Посполитой в новой Вестфальской системе европейских государств.

Автор приходит к выводу, что формирование Вестфальской системы международных отношений оказало заметное влияние на взаимодействие элит Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Международная среда этого периода способствовала скорее интеграции, нежели дезинтеграции обоих составных частей Речи Посполитой. Несмотря на частые изменения конфессионально-политических союзов и внутренние разногласия, общие внешнеполитические вызовы, связанные с окружением Польско-Литовского государства сильными конкурентами, такими как Московское государство и Швеция, вынуждали элиты обеих частей

УДК 327:323.17(438+474.5)"17"
Поступила в редакцию: 04.04.2025
Принята к публикации: 02.06.2025

стремиться к согласованию интересов и укреплению единства. Таким образом, международные процессы середины XVII в. выступали в качестве важного внешнего фактора, определявшего характер политического взаимодействия польской и литовской элит и способствовавшего усилению внутренней консолидации Речи Посполитой в новых реалиях Вестфальского порядка.

Ключевые слова: Речь Посполитая; Великое княжество Литовское; Королевство Польское; сейм; сенат; выборы; прерогативы

С XVI в. в Европе, во многом в ответ на усилившуюся динамику международной жизни, происходили процессы формирования системы государств и отдельных подсистем. Классическим примером подсистемы считается Священная Римская империя (в историографии её ещё называют имперской системой) (Ingrao 1994; Malettke 2012), которая, будучи федерацией имперских княжеств и городов различного статуса, заключивших с императором договоры, не являлась государством в полном смысле этого слова (Ивонина 2024: 13). Вместе с тем на континенте возникали композитарные государства, которые развивались в условиях конкуренции тенденций универсализма и партикуляризма, обозначавших их внешние очертания и внутренние структуры – и такие государства тоже можно рассматривать как подсистемы.

Сегодня концепция композитарной монархии служит для анализа крупных и многокомпонентных государственных образований, равным образом, как и этнокультурных и этнополитических процессов в них. С точки зрения теоретиков данной концепции Х. Кенигсбергера и Дж. Эллиотта, большинство государств раннего Нового времени и в территориальном, и в административном отношении структурно представляли собой сложные объединения, состоявшие из автономных (среди них могли быть автономии с высоким уровнем административной субъектности, или бывшие самостоятельные государства, оказавшиеся в союзе) или полуавтономных территориальных единиц – композитов. Процесс взаимодействия композитов рассматривается исследователями преимущественно в формально-правовом ключе (Koenigsberger 1969; Koenigsberger 2007; Elliott 1992: 48–71; Elliott 2006: Augustyniak 2008; Frost 2015: Wilson 2020). Между тем огромную роль в этом процессе играл международный фактор, определяя течение интеграции и дезинтеграции композитарного государства.

Одна из самых крупных композитарных держав Европы своего времени – Польско-Литовское государство, или Речь Посполитая, возникла после подписания 28 июня 1569 г. в Люблине унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ). С образованием этого композитарного государства политическая элита ВКЛ позиционировала себя равноправной польской элите и активно защищала свои прерогативы, хотя по условиям Люблинской унии литовские границы были существенно сокращены.

Уния последовала за реформами, с помощью которых Сигизмунд II Август (великий князь литовский с 1529 г. и король польский с 1530 г.) преобразовал государство по образцу Королевства Польского. Эффективности реформ способствовал процесс полонизации элиты ВКЛ с начала XVI в. К середине столетия литовская шляхта уже свободно говорила на польском языке, а в XVII в. активно шла полонизация простонародья.

Происходившие трансформации усложняли определение этнической идентичности населения Литвы, тем более что в этом государстве уже существовала традиция культурной ассимиляции. Ещё в XIII–XIV вв. Литва поглотила огромные территории Руси, превратившись с языковой и этнической точки зрения в Литовско-Русское государство (Дворниченко 1993; Петкевич 2005: 78–93). Примечательно, что Статут ВКЛ 1588 г. был издан на западнорусском (старобелорусском) языке – это подчёркивало независимость княжества. В Статуте закреплялся суверенитет ВКЛ, провозглашалась программа восстановления прежних границ и фиксировалось положение, что только местные жители (не «чужеземцы» или «соседи») могут получать земельные владения и занимать церковные и государственные посты[1].

В Польско-Литовском государстве литовская элита добивалась равных прав с польской, прежде всего, на государственном и международном уровнях. В XVII в. её активность возросла, что во многом было связано с политическими и конфессиональными изменениями в Европе.

В современной польской и литовской историографии немало исследований посвящено взаимоотношениям ВКЛ и Польской короны, а также работ, анализирующих конкретные события, во время которых сталкивались их интересы. Польские исследователи подчёркивают выгоду от Люблинской унии как для Королевства, так и для Литвы, нередко обращая внимание на сепаратизм литовской стороны и её пренебрежение общими интересами, а литовские – на попытках спасти самостоятельность ВКЛ (Wisner 1991; Opaliński 2001; Rachuba 2002; Lulewicz 2002; Sawicki 2010; Ziober 2019; Kempa 2016; Sliesoriunas 2020). При этом в польской историографии первой половины прошлого столетия высказывалось мнение, что в результате Люблинской унии литовские магнаты и шляхта, ничего не утратив, получили помощь против Москвы, и что литовская цивилизация была «незрелой» (Łowmiański 1934: 110, 112). В свою очередь литовские историки, начиная с изданной на польском языке многотомной «Истории литовского народа» Т. Нарбута (Narbutt 1835–1841), утверждают, что от унии Литвы и Польши получила выгоду лишь польская сторона. Данная позиция присуща не только литовской историографии периода национального возрождения и независимой Литвы (1919–1940), но и ряду современных работ. Порой

[1] См.: 1811. *Статут Великаго Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию онаго.* Санкт-Петербург. Ч. 1. XXII.

исследователи из Литвы даже используют термин «Люблинская трагедия», а для поляков уже с Кревской унии 1385 г. начинается державный период их истории (Петкевич 2005).

Противоречия между литовской и польской элитами рассматриваемого периода затронуты в трудах белорусских исследователей истории Великого княжества Литовского (Снапкоўскі 1995; Тихомиров 1998; Краўцэвич 1998, 2000). В солидных отечественных трудах, посвящённых русско-польским отношениям, чётко отражены разногласия между элитами ВКЛ и Королевства Польского (Кочегаров 2008; Флоря 2015), а Л.В. Заборовский обратил внимание на сепаратизм литовской элиты во время Северной войны 1655–1660 гг. (Заборовский 1981: 154–155). Вместе с тем в общих работах по истории Литвы и появившемся сравнительно недавно учебном пособии по государству и праву ВКЛ (Чибинев, Голованов, Макаров 2008; Беляев 2022) польско-литовские противоречия не охарактеризованы. Кроме того, конкретный вопрос о воздействии на них внешнего фактора специально не освещён.

Отсюда цель настоящей статьи – проанализировать роль международного фактора в отношениях между элитами Великого княжества Литовского и Королевства Польского в XVII в. на фоне взаимодействия государств в рамках европейской системы и польско-литовской подсистемы. Исследование опирается на системный подход, рассматривающий Речь Посполитую и в качестве политической множественности, совокупности вступающих во взаимодействие друг с другом композитов, и как элемент европейской системы. Помимо этого, использованы упомянутая выше концепция композитарной монархии и теория конфессионализации, согласно которой во второй половине XVI – первой половине XVII вв. отличительной чертой жизни европейского общества было принуждение к религиозному единообразию и формирование религиозно-политических союзов (Schilling 2007: 7–8).

Факторы системного воздействия

Значительное влияние на взаимоотношения ВКЛ и Королевства Польского оказала Тридцатилетняя война (1618–1648), частью которой была Смоленская война (1632–1634). В определённой степени эти вооружённые противостояния были связаны с глобальным похолоданием XVII в. («Малым ледниковым столетием»), ставшим катализатором войн и политических потрясений почти во всех регионах мира. Совокупности этих дестабилизировавших государства событий американский историк Дж. Паркер дал название Глобального кризиса (Parker 2013: XVII, 82). На этом фоне кризис лояльности по отношению к власти, разразившийся в Речи Посполитой в середине XVII в., был характерным явлением для всей Европы.

Другой отличительной чертой политического развития европейских государств в XVII в. стал процесс централизации, в результате которого в абсолютных монархиях власть оказалась в руках монархов и их министров, а в государствах, ставших на путь буржуазно-правового развития, – в руках представительских структур. В Речи Посполитой ни королю, ни представительским структурам не удалось монополизировать власть из-за целого ряда причин, среди которых можно выделить право liberum veto и сложносоставной в этническом, территориальном, политическом и конфессиональном отношениях характер государства.

Становление новых моделей политической жизни Европы заставляло государства активно конкурировать друг с другом и приспосабливаться к переменам, вследствие чего правители средних и малых государств стремились получить корону, тем самым повышая свой статус в новом мире «дворов и альянсов». В рамках системы обретение короны предоставляло возможность эффективнее защищать за столом переговоров государственные интересы. Это явление, ранее уже ранее отмеченное нами, получило в литературе название «монархизация» (лат. регализация) (Duchhardt 2003: 38; Schnettger 2008: 605–609; Ивонина 2012: 104–118).

В композитарных государственных образованиях со сложной политической, религиозной и этнической структурой свои особенности имела и конфессионализация. Варшавская конфедерация 1573 г. разрешала исповедовать свою религию более или менее свободно основным христианским конфессиям в Речи Посполитой: католикам, кальвинистам, лютеранам и православным[2]. Но к середине XVII в. Польско-Литовское государство стало существенно ограничивать религиозную терпимость путём дискриминационного законодательства. В 1658 г. сейм обвинил протестантов в поддержке шведов и изгнал из страны «польских братьев»[3], отстаивавших идеи рационализма и религиозной терпимости и оказавших влияние на правовую мысль в Европе и Северной Америке (Quatrini 2023: 124–165).

Ещё совсем недавно польские (и не только (Quatrini 2023: 124)) исследователи не сомневались в том, что Варшавская конфедерация стала важной вехой на пути к религиозной свободе и к взаимопониманию между христианскими конфессиями (Ptaszynski 2024: 215). Классическая телеологическая история религиозной терпимости и толерантности постулирует переход от нетерпимо-

---

[2] J. Ohryzki (Nakł.). 1859. *Volumina Legum. Prawa, konstytucje i przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego i wszystkich prowincji należących na walnych sejmach uchwalonych*. T. 2. St. Petersburg. S. 861-867.

3 Церковь, возникшая в результате раскола среди сторонников кальвинизма в 1562–1565 гг. под влиянием итальянских антитринитариев — сторонников течения в христианстве, основанного на вере в Единого Бога и отвергающих концепцию «триединства Бога» (Троицу). К ней присоединилась значительная часть интеллектуальной элиты польских протестантов.

го прошлого (особенно в период между Реформацией XVI в. и Вестфальским миром 1648 г.) к религиозному плюрализму конца XVII – XVIII вв. (Quatrini 2023). В её рамках случай Речи Посполитой можно считать одним из исключений (к ним также можно отнести отмену Нантского эдикта во Франции в 1685 г. и карательные законы против католиков в Англии и Ирландии). Однако, как отмечается в свежих работах, «минималистская» Варшавская конфедерация не легализовала деятельность протестантских церквей, не определила сферы религиозной свободы и не привела к всеобщей свободе совести. Она лишь гарантировала свободу от преследований за веру и тем самым стабилизировала религиозные отношения (Ptaszynski 2024: 218). Вместе с тем положения Конфедерации обходили – например, около 1600 г. в Великом княжестве Литовском действовало 260 евангелических церквей (Kotljarchuk 2006: 47). Конфессиональная ситуация в Речи Посполитой существенно влияла на взаимодействие композитов федерации.

Элита ВКЛ во время выборов королей

В контексте поставленной нами исследовательской цели нет смысла останавливаться на спорах между литовской и польской элитами по поводу системы представительства, которые прекрасно освещены в историографии (Opaliński 2001; Rachuba 2002; Czwołek 2012). Следует лишь отметить, что идентичные должности в ВКЛ и Короне Польской, установленные Люблинской унией[4], были представлены третью литовских представителей на сейме и примерно пятой в сенате (Opaliński 2001: 124–125; Radaman A. 2005: 606–614), что, естественно, вызывало их недовольство своим положением.

Международный резонанс имели периоды бескоролевья и выборы нового монарха в Речи Посполитой, во время которых элита ВКЛ вступала в острые разногласия с польской элитой. Эти дискуссии инициировались желанием партий получить «своего короля», и, в равной степени, стремлением одних иностранных государей распространить своё влияние на Польско-Литовское государство, а других – повысить свой статус до королевского титула. Кроме того, после заключения Унии одним из важнейших аспектов для литовских магнатов и шляхты, значительная часть которых исповедовала кальвинизм, была религиозная терпимость будущего монарха, которая предполагала и сохранение политических свобод. Под воздействием событий Тридцатилетней войны, в которой Речь Посполитая принимала участие, уже после смерти 30 апреля 1632 г. Сигизмунда III на престол был предложен кандидат-протестант. По инициативе

[4] Акт Люблинской унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским от 1 июля 1569 г. 1959. *Белоруссия в эпоху феодализма.* Сб. документов и материалов. Т. I. Минск. С. 150–157.

гетмана польного литовского Кшиштофа Радзивилла религиозные диссиденты ВКЛ задумались о выдвижении кандидатуры протестантского «мессии» в Европе Густава II Адольфа, который к тому же происходил из правившего тогда в Польше рода Ваза. По сути, это бы означало создание религиозно-политического союза между протестантами Речи Посполитой и предполагаемым будущим королём. В итоге Радзивилл учёл ситуацию и настроения в Речи Посполитой. Старший сын покойного короля Владислав Сигизмунд пользовался популярностью у шляхты всех вероисповеданий, а фигура шведского короля могла вызвать негативную реакцию католиков, что грозило продлением бескоролевья или гражданским конфликтом. В условиях начавшейся Смоленской войны это было крайне опасно (Dzięgielewski 1986: 13–14).

Радзивиллы – богатейший род, первым в ВКЛ получивший титул князей Священной Римской империи, были ключевыми фигурами оппозиции Короне Польской. К тому же многие представители этого рода, начиная с Миколая Кшиштофа Радзивилла Чёрного (1515–1565), исповедовали кальвинизм. Когда в 1632 г. архиепископ Гнезненский и примас Польши Ян Венцик созвал Сенат, чтобы выбрать дату проведения местных сеймиков и Элекционного сейма, Кшиштоф Радзивилл его проигнорировал. Несмотря на увещевания гетмана великого литовского и виленского воеводы Льва Сапеги, он, чтобы подчеркнуть равноправие ВКЛ и Короны, созвал Виленский сейм для обсуждения проблем безопасности границ Литвы во время противостояния с Московским государством (Ziober 2019: 182).

Параллельно Кшиштоф Радзивилл мобилизовал на выборы в Варшаве своих приверженцев и расположился лагерем на другом берегу Вислы, чтобы продемонстрировать политическую силу и потенциально высокое влияние представителей ВКЛ на выбор нового короля. Но Лев Сапега со своими сторонниками отказался поддержать его, обвинив в нарушении традиции выборов. Это событие зафиксировал в своих мемуарах канцлер великий литовский Альбрихт Станислав Радзивилл: «Князь, гетман польный литовский, стал на другом берегу реки. Он хотел удержать здесь виленского воеводу, и… других крупных сенаторов…»[5]. Между тем переписка Радзивилла с Владиславом IV Вазой свидетельствует о «солидарности» гетмана с королём и его готовности служить ему[6]. Выборы Владислава IV, равно как и других польских королей, нашли широкое отражение в европейской печати. Например, главной причиной, заставившей сейм проголосовать за него, французская газета La Gazette назвала «его войну с Московией за Смоленск»[7].

---

[5] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.). 1980. *A.S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 1. 1632–1636. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 141–142.

[6] *Listy Wladyslawa IV do Krzystofa Radsivila. Pisane 1612–1632 roku*. 1867. Krakow. S. 68.

[7] *La Gazette*. 1632. P. 339.

На споры между литовскими и польскими магнатами, во время которых первые нередко угрожали разрывом унии с Короной, серьёзное влияние оказывала конфессионально-политическая ситуация в Европе. Окончание Тридцатилетней войны не только принесло мир и положило начало оформлению системы государств, но и погрузило последних в пучину политических потрясений. В 1648 г. в Польше началось восстание запорожских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого, охватившее почти всю Правобережную Украину. Та же La Gazette сравнивала ситуацию в Польше с Фрондой (1648–1652) – гражданской смутой во Франции[8].

Сложное положение Варшавы усугубила смерть Владислава Вазы в мае 1648 г. Помимо его братьев – участника Смоленской и Тридцатилетней войн, бывшего члена ордена иезуитов Яна Казимира и епископа Вроцлава Кароля Фердинанда (последнего поддерживали император Священной Римской империи и Папа римский), в выборах короля приняли участие князь-кальвинист Трансильвании Дьёрдь I Ракоци, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм и Филипп Вильгельм, герцог Пфальц-Нойбургский (Wójcik 1997: 44, 47). Иностранные кандидаты стремились повысить свой статус среди европейских государей, решить территориальные проблемы и выйти из экономического кризиса, в который повергла Европу Тридцатилетняя война. Берлин, например, рассчитывал избавить Пруссию от ленной зависимости от Польши: бранденбургский посол Иоганн фон Ховербек в учтивой манере заметил тогда, что ради трона Речи Посполитой можно даже перейти в католицизм (Kamieński 2006: 31). При этом Трансильвания, в отличие от Бранденбурга, который сделает это только в 1655 г., вступила в контакт с Богданом Хмельницким.

Религиозные диссиденты ориентировались главным образом на Дьёрдя I Ракоци. Кальвинист Януш Радзивилл, сын Кшиштофа Радзивилла и гетман великий литовский, выдвинул эту кандидатуру, чтобы обрести в результате выборов огромное влияние в ВКЛ и в Польше. Но он не согласовал свои действия с другой влиятельной семьёй Литвы – Сапегами. 20 мая 1648 г. на встрече в Вильно Радзивилл и его сторонники – Виленский епископ Авраам Война, епископ Жемайтии Ежи Тышкевич и другие лица – предложили созвать Литовский сейм, чтобы обсудить выдвижение на польский трон приемлемой для литовцев кандидатуры (Rachuba 2002: 243–284; Ziober 2018: 193–203).

Исход выборов обусловили два события: в сентябре 1648 г. под Пилявцами запорожские полки разгромили остатки польского войска, а в октябре того же года скончался Дьёрдь I Ракоци. В столь критической ситуации 22 октября сейм Речи Посполитой, призывавший к быстрому избранию короля ради «спасения отчизны» и объявлявший о сокращении срока выборов. Универсал подписали

[8] *La Gazette*. 1648. P. 401, 505.

поляк и литовец – архиепископ Гнезненский Мацей Лубенский и маршал войский мозырский[9] Филипп Казимир Обухович[10]. Большинство сторонников трансильванского князя во главе с Янушем Радзивиллом приняли сторону Яна Казимира, однако приверженцы Кароля Фердинанда продолжили агитировать за своего кандидата. В ответ Радзивилл и его фракция заявили, что, если консенсус не состоится, они изберут Яна Казимира государем своего княжества, и в таком случае уния ВКЛ с Королевством Польским будет упразднена (Sawicki 2010: 116; Ziober 2019: 183). Параллельно Радзивилл, вступивший в переговоры с Богданом Хмельницким, предлагал Яну Казимиру проекты мирного соглашения с восставшими на условиях принятия значительной части их требований (Заборовский 1981: 53).

После отречения в 1668 г. Яна Казимира на трон претендовали 14 человек – уникальный случай в истории выборов королей Речи Посполитой. Среди иностранных кандидатов выделим русского царя Алексея Михайловича и его сыновей Алексея и Фёдора, французского принца Луи Бурбона де Конде (Великого Конде) и его сына Анри, перешедшую в католицизм бывшую королеву Швеции Кристину Ваза и герцога Лотарингского Карла V – от проавстрийской партии при дворе (Przyboś 1984: 38). В пропагандистской кампании была задействована европейская интеллектуальная элита: в частности, Г.В. Лейбниц под псевдонимом Георгиус Улицовиус Литуанус по заказу архиепископа Майнца составил справку о претендентах на корону, акцентируя внимание на преимуществах Филиппа Вильгельма Нойбургского[11].

Но ни польская, ни литовская шляхта не стремились возвести на престол кандидата-иностранца ввиду усиления соседей – Швеции и Бранденбург-Пруссии после Тридцатилетней и Северной (1655–1660) войн и Русского государства после Тринадцатилетней войны (1654–1667). Популярными стали идеи избрания на престол «своего» кандидата – потомка Ягеллонов, или «пяста»[12]. Из числа «пястов» кандидатами были Дмитрий и Михаил Вишневецкие, а из потомков

---

[9] Его должность не совсем точно переведена в Универсале на русский язык. С 1625 г. он был войским мозырским - должностным лицом в ВКЛ, не имевшем аналога в Королевстве Польском. Войские отвечали за внутреннюю безопасность, присматривая за теми, кто не смог принять участия в посполитом рушении (ополчении) и оставался дома. В 1648 г. он был маршалком элекционного сейма, с 1653 г. – воеводой смоленским. Rachuba A. (Red.). 2003. *Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, tom IV: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek*. Warszawa. S. 381.

[10] *1648 г. октября 22. – Универсал сейма Речи. Посполитой об ускорении выборов короля Польши в связи с поражением польско-шляхетской армии на Украине.* Государственный воеводский архив в Кракове, Ягеллонская библиотека в Кракове, рукопись № 90, л. 11 об. Копия. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/61-80/64.htm (accessed 31.03.2025).

[11] Leibniz G.W. 1983. Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum. *Leibniz G.W. Sämtliche Schriften und Briefe.* Hrsg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften, nach 1950 von der Akademie der Wissenschaften der DDR. Vierte Reihe: Politische Schriften. Bd. I. Berlin: Akademie-Verlag. S. 3–98.

[12] В XVII—XVIII вв. при избрании королей Речи Посполитой «пястом» именовался кандидат на престол польского происхождения.

Ягеллонов – кузен Януша Радзивилла Богуслав, великий хорунжий, великий конюший и депутат сейма. Кроме того, элекционный сейм 1669 г. впервые постановил, что королём Речи Посполитой может стать только католик, что предполагало переход представителей других исповеданий в католицизм[13]. Вследствие возвращения значительной части магнатов-кальвинистов, а также обращения православных магнатов ВКЛ в католическую веру (в 1670 г. православный князь Марциан Огинский стал католиком, чтобы занять должность воеводы Трокского) во время последующих выборов споры на конфессиональной почве между литовской и польской элитами потеряли смысл. Контрреформация в Речи Посполитой, начатая Сигизмундом III Ваза, завершилась.

В то время самым популярным из пропагандистских журналов был Censura candidatorum архиепископа Гнезненского и примаса Польши Анджея Ольшовского, поддерживавшего Михаила Корибута Вишневецкого[14]. Мнение Ольшовского оспаривал канцлер великий литовский Кшиштоф Зигмунт Пац, утверждавший, что архиепископ Гнезненский претендует на роль «польского» Ришелье (или Мазарини) при новом короле (Chmielewska 2006: 113). Во время голосования за Вишневецкого Пац предложил поддержать более достойную, на его взгляд, кандидатуру герцога Лотарингского, обещавшего потратить огромные суммы на военное и внутреннее развитие Польско-Литовского государства. Современники отмечали, что во время выступления канцлера «выстрел пронзил его платье…»[15]. После этого происшествия элита ВКЛ стала агитировать в пользу потомка Ягеллонов князя Богуслава, набравшего на родине немалое количество голосов (Ziober 2019: 185). Более того, во время беспорядков в Варшаве, спровоцированных гетманом коронным Яном Собеским, имело место нападение на карету Богуслава Радзивилла.

На этих выборах стала особенно заметной ориентация части шляхты ВКЛ на восточного соседа: Тринадцатилетняя война завершилась, а угроза со стороны Османской империи возросла, вследствие чего Московское государство стало рассматриваться как потенциальный союзник Речи Посполитой. Одним из значимых пунктов, выдвинутых в поддержку Москвы, было обещание царя Алексея Михайловича обратить своего сына Фёдора в католицизм в случае, если последний будет избран. Согласно записям в дневнике ректора Замойской академии Рудомича, сторонники Москвы якобы распространяли слухи о принятии царём католической веры и о его стремлении к церковной унии[16].

---

[13] 1860. *Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od seymu wiślickiegoroku pańskiego 1347 aż do ostatniego seymu.* Volumina legum. Przedruk zbioru praw. 5. Ab Anno 1669 Ad Annum 1697. Warszawa. S. 11.

[14] Przyboś K., Perłakowski A. 2014. *Censura candidatorium sceptri polonici. Ocena kandydatów do tronu polskiego.* Kraków. P. 57.

[15] Niemcewicz J. U. 1839. *Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polszcze z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych oraz listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym.* Vol. 4. Lipsk. S. 309–310.

[16] Rudomicz B. 2002. *Efemeros, czyli Diariusz prywatny pisany w Zamościu w latach 1665–1672.* T. 2: 1656–1664 / ed. by W. Froch, M. L. Klementowski. Lublin. S. 202.

По сути, последний слух был недалёк от истины, но иного толка: в правление Алексея Михайловича возникла политическая теория, основанная на единении русской и греческой церквей (Скрипкина 2012: 17). Как и следовало ожидать, католическая церковь и большинство магнатов и шляхты Речи Посполитой не поверили обещаниям русского государя[17]. В итоге гетман великий литовский в 1667–1682 гг. Михаил Казимир Пац и другие сторонники Алексея Михайловича отказались от этого политического варианта (Bobiatyński 2008: 199).

Во время бескоролевья 1674 г. кандидатуру царевича Фёдора поддержали контактировавшие с посольством из Москвы Михаил Казимир и Кшиштоф Сигизмунд Пацы. Главным требованием опять была смена вероисповедания, что на сей раз встретило открытое противодействие Алексея Михайловича. Как обоснованно подчёркивают российские и польские историки, контакты семьи Пац и русским царём были всего лишь элементом давления на переговорах с другими претендентами на корону и на польскую элиту (Флоря 2015: 275–279; Ziober 2018: 125).

Важно подчеркнуть, что поддержка претензий иностранных кандидатов, включая религиозных диссидентов, на польский престол была обусловлена целым рядом причин, среди которых значимое место занимало политическое соперничество между элитами ВКЛ и Королевства Польского. Наличие диссидентов среди кандидатов на трон было не только следствием этого соперничества, но и свидетельством сопротивления новой конфессиональной политике, по общеевропейским меркам призванной централизовать государство. В отличие от западноевропейских протестантов, добивавшихся не только свободы совести, но и господства своей веры, литовских кальвинистов интересовала, прежде всего, религиозная свобода, служившая существенным признаком их независимости. Вследствие этого конфессионально-политические союзы быстро распадались. Со второй половины XVII в. в связи с возросшей активностью иностранных кандидатов и разногласиями в среде польско-литовской знати выборы королей стали значимыми моментами в истории международных отношений Вестфальской системы.

Фаза дезинтеграции

Яркое проявление дезинтеграции ВКЛ и Польши – соглашение в Кейданах, подписанное Янушем Радзивиллом со шведами в 1655 г. В условиях «Шведского потопа» и военных успехов русской армии Радзивилл с марта 1655 г. вынашивал идею выйти из польско-литовского союза и заключить унию со Швецией. Карл X Густав, хороший полководец и командующий одной из лучших в Европе

[17] Przyboś K., Perłakowski A. (Ed.) 2014. *Censura candidatorium sceptri polonici. Ocena kandydatów do tronu polskiego.* Kraków. P. 7.

армий, рассматривался немалой частью литовской элиты как Спаситель отечества. А Польша, не получив поддержки от венского и французского дворов, ничем не могла помочь Литве. Секретарь польской королевы Марии-Людовики француз де Нуайе, сравнивая «Шведский потоп» и гонения на протестантов-вальденсов в Савойе в том же году, поддержанные европейскими протестантами и лордом-протектором Английской республики Оливером Кромвелем, замечал: «Боже, никто не выступает в защиту гибнущего католического государства [Речи Посполитой – *Л.И.*]! Протестанты более ревностно относятся к своей религии, чем католики. Нигде в мире мы не находим поддержки – такова христианская любовь!»[18].

Отсутствие военной помощи стало для Радзивилла весомым аргументом в пользу любых действий. Януш и его кузен Богуслав усматривали единственный выход из сложившейся ситуации в присоединении на конфедеративных началах к Швеции, которая обещала освободить от русского царя литовскую территорию «до последнего камня». Согласно заключённой 17 августа Кейданской унии ВКЛ должно было стать субъектом Шведского королевства при сохранении всех прерогатив: армии, законодательства и чеканки своих монет. Януш Радзивилл был уверен в поддержке большинства жителей Литвы, ожидая, что Карл X Густав восстановит свободы кальвинистов, лютеран, православных и ариан, а в случае успеха усилит политическое влияние протестантов и отодвинет католиков и иезуитов на второй план. Радзивилл просил шведского короля выделить 3000 солдат под его командование[19].

Уния со Швецией не была просто авантюрой великого гетмана. Не отрицая, что литовские диссиденты во главе с Радзивиллами сыграли вдохновляющую роль в подготовке и заключении договора со шведами, который можно рассматривать и как своего рода религиозно-политический союз, обратим внимание на то, что их поддерживали некоторые представители католической шляхты и римско-католического духовенства, включая епископов Жемайтийского Петра Парчевского и Виленского Ежи Тышкевича. Свои подписи под Кейданской унией поставили более 2 000 человек[20]. Однако значительная часть литовской элиты не приняла планов Радзивилла. Кейданский договор, заключённый без ведома и разрешения сейма, был незаконным с точки зрения законодательства Речи Посполитой. Тот же Ежи Тышкевич незадолго до этого (25 июля) отправлял своего гонца к представителям Алексея Михайловича с письмом, в котором отмечал: «… у нашего короля… люду много и при гетмане полском, так при гетмане Великого княжства Литовского, и ещё много прибывает силы с поветов и воеводств наших... И… все мы готовы помереть за королевство наше

[18] *Portofolio królowéj Maryi Ludwiki, czyli Zbiór listów, aktów urzędowych i innych dokumentów, ściągających się do pobytu téj monarchini w Polsce*. T. 1. 1844. Poznań. S. 194.
[19] Rudawski L.J. 1754. *Historarium Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem oliviensem usque.* Libri IX. Varsovia. P. 178.
[20] Konopczyński W., Lepszy K. (eds.) 1935. *Akta ugody kiejdańskiej 1655 roku*. Wilno.

Полское и Великое княжство Литовское до единого... Не похочете ли взять миру с нами вечного?»[21]. Как видно, Тышкевич в первую очередь намеревался заключить союз с Русским государством, а не со Швецией.

Негативное отношение значительной части Литовской элиты к Кейданской унии приняла во внимание русская дипломатия. Василий Лихарев, пребывавший в Кейданах в августе 1655 г., сказал в своей речи гетману: «Писал ты, великий гетман, ц. в-а [царского величества – *Л.И.*] к бояром и воеводам в своей грамоте свое имя свийского короля и ВКЛ великим гетманом, вилинским воеводою. И ц. в-а бояре и воеводы тому удивляютца, что ты так писал, потому что ВКЛ и город Вилна николи не бывала за свийским королём, Вилна город была полского короля. А за его неправды тот город Вилну государь наш ц-го в-а взял и заступил ее сам…»[22]. На «незаконность» Кейданской унии опирались воевода Витебский Ян Павел Сапега и польный гетман литовский Винцент Гонсевский, образовавшие против неё конфедерацию. В ноябре 1655 г. силы конфедерации под командованием Сапеги осадили замок Тыкоцин, где укрепился Януш Радзивилл. Гетман не дождался военной помощи от шведов и в ночь с 30 на 31 декабря скоропостижно скончался[23].

И сегодня соглашение в Кейданах вызывает много споров и рождает полярные точки зрения. Заключив договор со Швецией, Радзивилл фактически разорвал унию между ВКЛ и Королевством Польским. Некоторые исследователи считают, что он руководствовался преимущественно религиозными соображениями, поскольку считал, что Литва ближе к лютеранской Швеции (Rachuba 2002: 299–300). Но чаще всего Кейданский договор рассматривали как акт измены или попытку найти выход из тяжёлой международной ситуации. По мнению польского историка Г. Визнера, Януш Радзивилл оказался перед сложной дилеммой выбора политического курса. Князь видел альтернативу не между Речью Посполитой и Швецией, а между последней и полным уничтожением Польско-Литовского государства. И проблема не в том, было ли его решение изменой (что тоже следует уточнить: чьи интересы он предал – Речи Посполитой, Короны или самой Литвы?), а в том, как должен был поступить человек, взявший на себя ответственность за своё отечество и столкнувшийся с серьёзными препятствиями (Wisner 2011: 59–78).

Точка зрения Г. Визнера относительно дилеммы, вставшей перед Радзивиллом, требует коррекции. Оказавшись перед альтернативой: Москва или Стокгольм, честолюбивый гетман рассчитывал при шведах не только сохранить Литву, но и иметь в ней полноту власти. Одновременно некоторые магнаты

---

[21] Заборовский Л.В. 1994. *Великое княжество Литовское во время Польского потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследование.* Москва: Наука. С. 9.

[22] Там же. С. 25.

[23] Rudawski L.J. 1754. *Historarium Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem oliviensem usque.* Libri IX. P. 180.

части ВКЛ от Велижа до Минска, которую в мае – июле 1655 г. заняли русские силы, предложила паритетную унию с Русским государством (Флоря 2003: 25–39). Так, внук Андрея Курбского, эмигрировавшего в Литву при Иване Грозном, князь Анджей (Андрей) Курбский, намеревался присягнуть на верность Алексею Михайловичу, собрать на свои средства войско для борьбы против шведов, и даже перешёл в православие. А сенатор и православный князь Марциан Огинский на деле дал присягу русскому царю и руководил одним из отрядов во время жемантийского восстания против шведской оккупации (Kotljarchuk 2006: 172). В сущности, переговоры со Швецией и Москвой следует рассматривать не столько как проявление литовского сепаратизма, сколько как стремление найти приемлемый выход из тяжёлой ситуации.

Провал Кейданской унии, по сути, был предрешён до её заключения. Причина заключалась не только в нарушении конституционных основ Польско-Литовского государства. Из сказанного выше очевидно, что литовские магнаты не были едины ни в своей политической ориентации (Королевство Польское, Россия, Швеция), ни по конфессиональному признаку (католики, православные, кальвинисты). Население белорусских городов ориентировалось на Московское государство. Так, в мае 1654 г. могилёвские жители подали Алексею Михайловичу «прошение о защищении их от поляков, жестоко их притесняющих»[24]. При этом русский фактор в провале планов Радзивилла и его сторонников дополнялся казацким фактором. Во время Русско-польской войны, а затем «Шведского потопа» Богдан Хмельницкий выступал союзником и Москвы, и Стокгольма. Казаки Ивана Золотаренко участвовали во взятии Смоленска и наступлении на белорусские города ВКЛ[25]. Одновременно в сентябре-декабре 1654 г. шла активная переписка между подканцлером коронным Иеронимом Радзиевским, перешедшим на шведскую сторону, гетманом Хмельницким, писарем Выговским и тем же Золотаренко «о склонении их со всем войском в шведское подданство»[26]. Хмельницкий вступил в отношения со шведами, как противниками Польши, начав в 1655 г. военные действия на Правобережной Украине. Своими действиями он способствовал как продвижению шведов вглубь польской территории, так и установлению русского влияния на значительной части Литвы, что привело к конфронтации Москвы и Стокгольма и помешало реализации Кейданской унии.

По большому счёту, в международном плане Кейданская уния была направлена против Польско-Литовского государства. Так, 6 декабря 1656 г. в Радноте представители Карла X Густава, курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма, Богуслава Радзивилла, Богдана Хмельницкого, обиженного на Москву,

[24] РГАДА. 1654. Фонд 124. Опись 1. Л. 26 об. №10.
[25] РГАДА. 1654. Фонд 124. Опись 1. Л. 24. №28.
[26] РГАДА. 1654. Фонд 124. Опись 1. Л. 27. №15.

заключившую в октябре 1656 г. Виленское перемирие с Варшавой, и трансильванского князя Дьёрдя II Ракоци подписали договор о разделе между собой Речи Посполитой[27]. Одним из главных его последствий стало вторжение в Речь Посполитую армии Ракоци численностью 25 000 человек в январе 1657 г. Изменившаяся геополитическая ситуация не позволила реализовать договор, поскольку в конце концов Польско-Литовскому государству удалось объединиться и изгнать шведов. В литературе договор в Радноте рассматривается как предшественник разделов Речи Посполитой в XVIII в. (Frost 2004: 71–86).

Споры по вопросам внешней политики

Методам реализации внешней политики и организации дипломатической службы Польско-Литовского государства историки уделили достаточное внимание, что подтверждает относительно недавний специальный выпуск Eastern European History Review, целиком посвящённый уникальной дипломатии Речи Посполитой (Gregorowicz 2021). Генриковы артикулы 1573 г. обязывали короля Польского и одновременно Великого князя Литовского обращаться за советом в сенат или информировать совет сената по поводу принятия любых мер в сфере внешней политики[28]. А географическое положение Литвы во многом обуславливало тот факт, что элита ВКЛ стремилась контролировать отношения с Москвой – ведь значительная территория княжества, а именно Смоленское воеводство и белорусские земли, служили ристалищем борьбы между Речью Посполитой и Московским государством.

Литовских магнатов также интересовали связи со Швецией и Османской империей. Но ведение отношений с последней и вассальным ей Крымским ханством, а также с Персией, папством и странами Западной Европы оставались в руках Королевства Польского. Обязанностью и привилегией канцлера ВКЛ являлся предварительный доклад о состоянии дел с Москвой. С одной стороны, сферы дипломатической компетенции ВКЛ и Польши были чётко разграничены, а с другой – польские официальные лица активно привлекались к дипломатическим контактам. Поэтому литовским политикам приходилось согласовывать свои действия не только с королём, но и с должностными лицами Королевства Польского (Gregorowicz 2021: 28; Sirutavičius 2021: 42).

Примечательно, что иностранным послам Люблинская уния представлялась равноправным союзом ВКЛ и Польского Королевства. «А полская рада и литовская меж себя посполито соедналися, тому другой год, что им стояти заодинъ

[27] Wasilewski T. (Ed.). 1979. *Bogusław Radziwiłł. Autobiografia (1620–1667)*. Warszawa: Państ. Instytut Wydawniczy. S. 258–262.

[28] Literae confirmationis articulorum Henrico Regi antea oblatorum. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Literae_confirmationis_articulorum_Henrico_Regi_antea_oblatorum (accessed 26.03.2025).

полским людем Литве, а литовским людем Полше помогати без найму на своих пенезех, а именья им держати, полским людем в Литве, а литовским в Полше по-прежнему; да и чины и всякие по замком давати посполитожъ, литовским в Полше, а полским в Литве», – так в 1571 г. расценивало заключение Унии русское посольство И. Канбарова (Толмачёв 2017: 88). Посольский взгляд практически не поменялся и столетие спустя. Во время бескоролевья после смерти Яна III Собеского в 1696 г. французская дипломатия, стремившаяся купить голоса магнатов для кандидата французского короля Людовика XIV принца де Конти, уделяла одинаковое внимание консультациям с польской и литовской элитой (Sawicki 2013: 149–165).

На самом деле в проведении внешней политики отношения между композитами федерации были достаточно сложными. Литва и Польша, особенно в первой половине XVII в., сами отвечали за сохранность своих границ, что фактически способствовало созданию двух театров военных действий. Совместные вооружённые акции предпринимались только для защиты всей Речи Посполитой, но и тогда оба композита не всегда сотрудничали. Например, Польша и Литва были относительно едиными во время интервенции в Россию в начале XVII в. и во время Смоленской войны, но во время восстания Хмельницкого и в годы Шведского потопа воевали поодиночке.

В 1634 г. для ратификации Поляновского мирного договора Владислав IV Ваза направил в Москву великого писаря литовского Казимира Леона Сапегу, мстиславского стольника Петра Казимира Вязевича и кастеляна Каменца Александра Пясечинского[29]. В столице Русского государства Пясечинский выдвинул условие: для того, чтобы после клятвы не нарушать мир, крест после царя должны целовать бояре и жители пограничных территорий. Затем он настаивал на том, чтобы в случае смерти одного из царей присяга возобновлялась его преемником, и, наконец, потребовал, чтобы польскому королю было позволено нанимать солдат в Москве. Во всём этом ему было отказано. Сапега конфликтовал с Пясечинским, упрекая его в затягивании миссии, игнорировании литовской стороны, гордыне и некомпетентности и пригрозил, несмотря на почтенный возраст поляка, что в следующий раз «дёрнет его за бороду» (Rachuba 1994: 32).

На фоне взаимоотношений между Речью Посполитой и Московским государством в 1635 г. прозвучала знаменитая фраза молодого Януша Радзивилла: «Придёт время, когда [литовцы – *Л.И.*] укажут полякам выход не через двери, а через окна»,[30] – явный намёк на Пражскую дефенестрацию 1618 г., когда представители чешского протестантского дворянства выбросили из окна Пражского града двух имперских наместников и их секретаря. Эти слова стали реакцией

[29] Grabowski M. i Przezdecki A. (Wyd.). 1843. *Zrodla do dzejow polskich*. T. 2. Wilno. S. 196.
[30] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.). 1980. *A.S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 1. 1632–1636. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 327.

на оглашение на совете сената в Вильно, созванном Владиславом Вазой по поводу известий из Москвы, отчётов польских послов представителем Польши, а не Литвы (Czapliński 1959: 224–227).

К.А. Кочегаров описал противоречия между литовскими и польскими послами во время заключения Вечного мира 1686 г. между Русским государством и Речью Посполитой (Кочегаров 2008: 300-384). Ян III Собеский делегировал в Москву посольство в составе почти 1 000 персон, возглавляемое канцлером литовским Марцианом Огинким и воеводой познанским Кшиштофом Гжимултовским. Король знал, что уже несколько лет гетман Пац через Огинского вёл сепаратные переговоры с Москвой о Вечном мире и союзе, который отвечал стремлениям литовских магнатов обезопасить свою восточную границу. Но Ян III не учёл противоречий между литовской и польской элитами. Канцлер Огинский старался дискредитировать польского сенатора в глазах русских и добивался отдельного постоя в Москве более представительной литовской делегации. Москва же в лице князя Василия Голицына использовала польско-литовские противоречия в своих интересах, требуя закрепления Андрусовских соглашений 1667 г., выдвинув претензии на Запорожье и большую территорию вокруг Киева, а также отказавшись вести переговоры о союзе прежде переговоров о Вечном мире. В такой ситуации Ян III не дал послам иных указаний, кроме как заключить союз «любой ценой»[31]. Марциан и Николай Огинские, упорно отстаивавшие суммы компенсации, фактически сорвали первую фазу переговоров. На второй фазе из-за отказа Москвы от организации полномасштабной военной кампании в Крыму Гжимултовский выступал против договора, а Марциан Огинский поддерживал его заключение. Контуры будущего мира определились лишь на третьей встрече сторон.

Отдельно стоит подчеркнуть, что соперничавшие друг с другом литовские магнаты приходили к единому мнению как в вопросах о нуждах и безопасности ВКЛ, о чём свидетельствует корреспонденция Льва Сапеги и Кшиштофа Радзивилла в 1632 г. (Ziober 2019: 187–188), так и в сфере общей дипломатии Речи Посполитой. Так, в 1690-е гг. в своей корреспонденции в Версаль французский дипломат кардинал Форбен обратил внимание на согласие между гетманом великим литовским и воеводой Виленским Казимиром Яном Сапегой и подканцлером литовским Каролем Станиславом Радзивиллом в вопросах антиосманской политики, несмотря на тяжбу между Сапегами и Радзивиллами за ряд земельных владений. Оба они с 1692 г. состояли в оппозиции королю Яну III Собескому, который вынашивал планы выхода Речи Посполитой из Священной лиги против турок, и выступили против его политики на Гродненском сейме 1693 г. (Sawicki 2013: 152).

[31] Tindal Palmer Al. (Ed.) 1815. *Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland.* London: John Murray. P. 272.

В вопросах внешних сношений следует также отметить сотрудничество между польской и литовской элитами. На Варшавском сейме 1611 г. они единым фронтом выступили против финансовой политики Сигизмунда III[32]. А в 1646 г. Владислав IV без согласия сейма решил собрать войско и привлечь украинских казаков для военных действий против Крымского ханства и Османской империи. 12 мая того же года канцлер великий литовский Альбрехт Станислав Радзивилл заметил в своих мемуарах, что на документе, разрешающем незаконный набор посполитого рушения [ополчения – *Л.И.*], он не поставит свою подпись и печать, а скорее предпочтёт, чтобы ему отрубили руку. Его поддержал великий канцлер коронный Ежи Оссолинский, хотя в целом он был сторонником короля. 21 мая оба канцлера отклонили решение Владислава IV ввиду отсутствия согласия сейма[33]. В этом случае и Радзивилл, и Оссолинский выступили за принцип верховенства права против незаконного акта короля.

В октябре 1672 г, проигравшая войну Речь Посполитая заключила с Османской империей мир в Бучаче, по условиям которого она потеряла Подолию, Каменец и Правобережную Украину, а также обязалась выплачивать Турции ежегодную дань. В такой ситуации гетман Михаил Пац и его сторонники стали угрожать Михаилу Вишневецкому, что, если последний не предпримет действий для спасения государства, они уйдут в подданство русского царя. В определённой степени благодаря их давлению в апреле 1673 г, сейм принял решение не ратифицировать Бучачский договор, повысил налогообложение и стал набирать новое войско[34]. Но, что самое важное, они нашли поддержку в лице Яна Собеского, который обычно характеризовал Паца как «военачальника, отлично разбирающегося в военных делах, но злого и капризного человека…»[35].

Заключение

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть все аспекты взаимодействия между ВКЛ и Королевством Польским в XVII в., связанные с внешней политикой, и обозначить все грани европейской дипломатии в отношении Речи Посполитой. Важно, что разногласия между элитами ВКЛ и Королевства не означали, что литовская элита, в среде которой тоже имели место противоречия, относилась к полякам, как к противникам. Конституционная идентичность польско-литовского дворянства, равно как и формировавшаяся

[32] Bielowski A. 1861. *Pisma Stanisława Żółkiewskiego.* Lwów. S. 558–561.
[33] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.). 1980. *A. S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 2. 1637–1646. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 246–249.
[34] Dalairac Fr.-P. (Trans.). 1700. *Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, The III of that Name, King of Poland, containing a particular account of the siege of Vienna.* London: Rhodes, Bennet, Bell, Leigh & Midwinter. P. 39.
[35] *Authentic memoirs of John Sobieski.* P. 47.

вследствие процесса полонизации культурная идентичность, были важными факторами, интегрировавшими федерацию и объединявшими политическую элиту Речи Посполитой. Вместе с тем наряду с процессом интеграции имели место периоды дезинтеграции Речи Посполитой, когда Польша и Литва не сотрудничали во внешней политике (как во время «Шведского потопа»). На оба процесса оказывали влияние международный и конфессиональный факторы. При этом внешние обстоятельства скорее сплачивали государство, а конфессионально-политические союзы с иностранными государями-протестантами быстро распадались.

Люблинская уния диктовалась условиями своего времени, но эти условия с оформлением системы государств после Вестфальского мира претерпели изменения. Кризис лояльности по отношению к власти, разразившийся в Речи Посполитой в середине XVII в., был характерным явлением всей Европы. Однако последовавшая централизация власти в соседних странах и стремление к регализации, свойственное средним и малым государствам Европы, представители которых желали получить корону, в том числе и польскую, расходилось со внешнеполитическими потребностями Речи Посполитой. С середины века Польско-Литовское государство оказалось окружено сильными соперниками, в первую очередь, Русским царством и Швецией. Поэтому Литва и Польша, несмотря на расхождения по конституционным и дипломатическим вопросам, были вынуждены сохранять единство.

Анализ отношений между ВКЛ и Королевством Польским в XVII в. демонстрирует очень высокую степень зависимости взаимодействия композитов Речи Посполитой от изменения международной ситуации (особенно от русского, шведского и османского факторов), а, следовательно, функционирования подсистемы от динамики развития европейской системы.

Об авторе:

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Смоленский государственный университет. г. Смоленск, 214036, Россия. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327:323.17(438+474.5)"17"
Received: 4 April 2025
Accepted: 2 June 2025

Political Elites of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the Formation of the Westphalian International Order

L.I. Ivonina
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-27-50

Smolensk State University

Abstract: This article examines the interaction between the political elites of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) and the Kingdom of Poland in the context of the emergence of the Westphalian system of international relations during the seventeenth century. Applying a systemic approach, the composite-state concept, and the theory of confessionalization, the study investigates how the international environment influenced political dynamics between the Lithuanian and Polish elites.

From the moment of signing the Union of Lublin in 1569, the elites of the Grand Duchy of Lithuania sought to affirm their equal status with their Polish counterparts and consistently defended their political interests, particularly in foreign affairs. These interactions intensified notably during the seventeenth century due to significant political and confessional transformations in Europe, culminating during and after the Thirty Years' War (1618–1648), which were institutionalized by the Peace of Westphalia in 1648.

The study demonstrates that, despite periodic disagreements between the elites of Poland and the GDL, neither side viewed the other as an adversary. Instead, they were united by a shared constitutional structure, a common cultural identity forged through the process of Polonization in the GDL, and the necessity to uphold the international standing of the Polish-Lithuanian Commonwealth within the emerging Westphalian order in Europe.

The author concludes that the formation of the Westphalian system significantly shaped interactions between the Lithuanian and Polish elites. The international environment of that period fostered integration rather than the disintegration of the two components of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Although confessional and political alliances often shifted rapidly and internal disputes emerged regularly, shared external challenges—particularly those posed by powerful rivals such as the Tsardom of Muscovy and Sweden—encouraged the elites of both constituent parts to reconcile their interests and strengthen unity. Thus, mid-seventeenth-century international developments served as a crucial external factor, shaping the political interactions between the Polish and Lithuanian elites and reinforcing internal consolidation within the Commonwealth in the context of the newly established Westphalian international order.

Keywords: the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Grand Duchy of Lithuania, Polish Crown, Sejm, Senate, election, prerogatives

About the author:

Liudmila I. Ivonina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Smolensk State University. Smolensk 214036, Russia. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Gregorowicz D. 2021. Diplomacy of the Commonwealth, Diplomacy of the King: the Peculiarity of Foreign Policy Making. *Eastern European History Review. Diplomats and Diplomacy in the Early Modern Polish-Lithuanian Commonwealth (XVII century).* Ed. by D. Gregorowicz. №4. P. 19–35.

Elliott J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. Past and Present. №137. P. 48–71.

Elliott J.H. 2006. *Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830.* New Haven. 546 p.

Frost Robert I. 2004. *After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War, 1655-1660.* Cambridge University Press. 236 p.

Frost R. 2015. *The Oxford History of Poland-Lithuania. Volume I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569.* Oxford University Press. 564 p.

Ingrao Ch. 1994. *The Habsburg Monarchy 1618–1815.* Cambridge. 276 p.

Koenigsberger H.G. 1969. *The Practice of Empire.* Ithaca, New York: Cornell University Press. 229 p.

Koenigsberger H.G. 2007. *Monarchies, States Generals and Parliaments: the Netherlands in the 15th and 16th Centuries.* Cambridge: Cambridge University Press. 408 p.

Kotljarchuk A. 2006. *In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century.* Södertörns högskola. 361 p.

Parker G. 2013. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century.* New Haven: Yale University Press. 871 p.

Quatrini F. 2023. Tolerance, Society, and Sovereignty: The Retreat from Pluralism in the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Renaissance Quarterly.* №76. P. 124–165.

Sirutavičius M. 2021. Partnership in a Union with Diverging Interests: Cooperation between the Kingdom of Poland and Grand Duchy of Lithuania in Diplomatic Activities at the Turn of the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *Eastern European History Review. Diplomats and Diplomacy in the Early Modern Polish-Lithuanian Commonwealth (XVII century).* Ed. by D. Gregorowicz. №4. P. 35–45.

Wilson P.H. 2020. *Heart of Europe: A History of the Holy Roman Empire.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1008 p.

Wisner H. 2011. Prince Janusz Radziwiłł: the Responsibility of a Politician. *Jagiellonian University Repository.* 2011. P. 59–78.

Ziober A. 2018. The Role and Use of Religion in the Politics of Candidates to the Polish Throne in the 17th Century. *Biuletyn Polskiej Misji Historycznej. Bulletin der Polnischen Historischen Mission.* №13. P. 115–132.

Ziober A. 2019. Lithuanian Aspirations for an Equality with the Crown in the 17th Century. An attempt to Systematize. *Open Political Science.* №2. P. 181–187.

Ziober A. 2018. The Political Attitudes of Krzysztof and Janusz Radziwill towards the Election of Wladyslaw IV and Jan Kazimierz. Outline of the Problem. *Open Political Science.* №1. P. 193–203.

Augustyniak U. 2008. *Historia Polski 1572–1795.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2008. 1005 p. (In Polish).

Beljaev M.P. 2022. *Gosudarstvo i pravo Velikogo knjazestva Litovskogo.* Moskow: "Dashkov I K". 231 p. (In Russian).

Bobiatyński K. 2008. *Michał Kazimierz Pac, wojewoda wileński, hetman wielki litewski.* Warszawa: Neriton. 458 s. (In Polish).

Chibinev B.M., Golovanov N.M., Makarov D.A. 2008. *Vosniknovenije, raszvet i upadok gosudarstvnjazestva Litovskogo.* SPb: Lema. 373 p. (in Russian).

Czapliński W. 1959. *Na dworze króla Władysława IV.* Warszawa: Książka i Wiedza. 468 s. (In Polish).

Chmielewska M. 2006. *Sejm elekcyjny Michała Wiśniowieckiego.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 285 s. (In Polish).

Czwołek A. 2012. *Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 734 s. (In Polish).

Duchhardt H. 2003. *Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800.* Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer. 464 s. (In German).

Dvornichenko A.Ju. 1993. *Russkije zemli Velbkogo Knjazestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obschini, soslovij, gosudarstvennist* [Russian Lands of the Grand Duchy of Lithuania (before the Beginning of the 16th Century). Essays on the history of the community, estates, statehood]. Saint Petersburg. 239 p. (In Russian).

Dzięgielewski J. 1986. *O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV.* Warzsawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 246 s. (In Polish).

Florja B.N. 2003. Ot potopa do Vilna. Russkayja politica po otnosheniju k Rechi Pospolotoj v 1655-1656 gg. [From the Deluge to Vilno. Russian Policy towards the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1655-1656]. *Kwartalnik historyczny.* 2(110). P. 25–49. (In Polish).

Florja B.N. 2015. Rossija i vibori v Rechi Pospolitoj 1674 goda [Russia and the Elections in the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1674]. *Srednije veka.* Moscow. 76(1–2). P. 269–290. (In Russian).

Ivonina L.I. 2012. Monarchizatija pravitelej i gosudarstv Klassicheskoj Evropi d konze XVII – XVIII vv. [Monarchization of Rulers and States of Classical Europe in the Late 17th – 18th Centuries]. *Voprosi istorii.* №8. P. 104–118. (In Russian).

Ivonina L.I. 2024. Mezdunarodnije otnoshenija vo vremja Vestfalskoj sistemi [The International Relations during the Westplallian System]. Moscow: RUSAJNS. 234 p. (In Russian).

Kamieński A. 2006. Kandydatura Hohenzollernów brandenburskich do tronu polskiego od XVI do końca XVIII wieku. Realny cel czy też gra polityczna? *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pograniczna Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku.* Eds. K. Mikulski, A. Zielińska-Nowicka. S. 29–37. (In Polish).

Kempa T. 2016. Problem kandydatów do tronu Rzeczypospolitej w kontekście podziałów w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w trzech pierwszych bezkrólewiach po śmierci Zygmunta Augusta. *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI-XVIII wieku.* Ed. by M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. S. 131–142. (In Polish).

Krauzevich A.K. 1998 (2-e izd. 2000). *Stvarenne Vjalikaga Knjastva Litouskaga* [The Creation of the Grand Duchy of Lithuania]. Mensk, Rzeszow. 208 p. (In Buelorussian).

Łowmiański H. 1934. *Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unji Jagiellońskiej.* Vilnius. 296 s. (In Polish).

Lulewicz H. 2002. *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton. 475 s. (In Polish).

Malettke K. 2012. *Hegemonie-multipolares System-Gleichgewicht Internationale Beziehungen 1648/1659 – 1713–1714.* Paderborn u.a., Schöningh. 581 S. (In German).

Narbutt T. 1835–1841. *Dzieje narodu litewskiego.* Wilno. T. 1–9. (In Polish).

Opaliński E. 2001. *Sejm srebrnego wieku 1587–1652. Między głosowaniem większościowym a liberum veto.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 268 s. (In Polish).

Petkevich K. 2005. Litovzi, russkije, poljaki v Polsko-Litovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (postanovka problemi) [Lithuanians, Russians, Poles in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the 14th–17th Centuries (Statement of the Problem)]. *Istorija i sovremennost.* №1. P. 78–93. (In Russian).

Ptaszynski M. 2024. Nietolerancyjna konfederacja Warszawska. O znaczeniu swobyd wysnaniowyc w 1573 roku. *Kwartalnik Historyczny.* Rocznik CXXXI. №2. S. 215–243.

Przyboś A. 1984. *Michał Korybut Wiśniowiecki 1640–1673.* Kraków: Wydawnictwo Literackie. 346 s. (In Polish).

Rachuba A. 2002. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 375 s. (In Polish).

Rachuba A. 1994. Sapieha Kazimierz Leon. *Polski Słownik Biograficzny.* XXXV(1). Warszawa–Kraków, 1994. S. 32. (In Polish).

Radaman A. 2005. Sojm. Vjalikaje Knjastva Litouskaje. Enziklapedija u 3 t. Minsk: BelEn. T. 2. S. 606–614. (In Belorussin).

Sawicki M. 2010. *Stronnictwo dworskie w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1648–1655.* Ostrowiec Świętokrzyski: Mi Graff. 380 s. (In Polish).

Sawicki M. 2013. Magnaci litewscy w swietie fracuskojezycziej korespondencji z lat 90 XVII wieku w archiwum drezdenskim. *Epistolografia dawnej rzeczypospolitej.* T. IV (stulecia XVI–XIX). Perspektywa historyczna i językowa. Ed. by P. Borka i M. Olmy. Kraków. S. 149–165. (In Polish).

Schilling H. 2007. *Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660.* Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh. 674 S. (In German).

Schnettger M. 2008. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit. *Historische Zeitschrift.* Bd. 286. Hf. 3. S. 130–154. (In German).

Skripkina E.V. 2012. Tsar Alexei Mikhailovich — "novij Constantin": obrasez Visantijskoi vlasti v russkoj praktike tretjej chenverti XVII v. [Tsar Alexei Mikhailovich – the "new Constantine": an Example of Byzantine Power in Russian Practice in the Third Quarter of the 17th Century]. *Omsk Scientific Bulletin.* №2. P. 12–21. (In Russian).

Sliesoriunas G. 2020. Historiografia Litewska o ukladzie Kiedanskim (1655 r.). *Stidia Podlaskie.* Tom XXVIII. Bialystok. S. 55–76. (In Polish).

Snapkouski U.E. 1995. Pra kalisii sneshnepalitichnich intaresau polskai Karoni i Vjalikaga knjastva u srladse Rechi Paspalitaj [On the Conflicts of Foreign Policy Interests of the Polish Crown and the Grand Duchy within the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Spadchina.* №3. S. 189–201. (In Belorussian).

Tichomorov A. 1998. Vneshnepoliticheskij mechanism i organisazija diplomaticheskoj sluzbi Rechi Pospolitoj i Velikogo Knjazestva Litovskogo v 1569–1795 gg. [Foreign Policy Mechanism and Organization of the Diplomatic Service of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Grand Duchy of Lithuania in 1569-1795]. *Buelorusskij zurnal mezdunarodnogo prava I vezdunarognich otnoshenij.* №3. P. 52–61. (In Russian).

Tolmachev P.A. 2017. Velikoje Knjazestvo Litovskoje I Polsha v Statejnich spiskach Posolskogo prikaza XVI veka: opit opisanija inostrannoi momarchii [The Grand Duchy of Lithuania and Poland in the Article Lists of the Ambassadorial Prikaz of the 16th Century: An Experience of Describing a Foreign Monarchy]. *Vestnik Nizegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* №2. P. 84–92. (In Russian).

Wisner H. 1991. Litwa wobec elekcji Władysława Wazy. *Rocznik Białostocki.* Vol. 17. S. 9–36. (In Polish).

Wisner H. 1982. *Rozróżnieni w wierze. Szkice z dziejów Rzeczypospolitej schyłku XVI i połowy XVII wieku.* Warszawa: KIW. 216 s. (In Polish).

Wójcik Z. 1997. *Jan Kazimierz Waza.* Wrozlaw. 274 s. (In Polish).

Zaborovskij L.V.1981. *Rossija, Rech Pospolitaja I Shvwezija v seredine XVII v.:iz istorii mezdunarodnich otnoshenij v Vostochnoj I Jugo-Vostochnoj Evrope* [Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the Mid-17th Century: from the History of International Relations in Eastern and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 186 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Беляев М.П. 2022. *Государство и право Великого княжества Литовского.* Москва: «Дашков и К». 231 с.

Дворниченко А. Ю. 1993. *Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности.* Санкт-Петербург. 239 с.

Заборовский Л.В.1981. *Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе.* Москва: Наука. 186 с.

Ивонина Л.И. 2012. Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII–XVIII вв. *Вопросы истории.* №8. С. 104–118.

Ивонина Л.И. 2024. *Международные отношения во время Вестфальской системы.* Москва: РУСАЙНС. 234 с.

Кочегаров А.К. 2008. *Речь Посполитая и Россия в 1650–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире.* Москва: Индрик. 504 с.

Петкевич К. 2005. Литовцы, русские, поляки в Польско-Литовском государстве XIV–XVII вв. (постановка проблемы). *История и современность.* №1. С. 78–93.

Скрипкина Е.В. 2012. Царь Алексей Михайлович – «новый Константин»: образец Византийской власти в русской практике третьей четверти XVII в. *Омский научный вестник.* №2. С. 12–21.

Тихомиров А. 1998. Внешнеполитический механизм и организация дипломатической службы Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского в 1569–1795 гг. *Белорусский журнал международного права и международных отношений.* №3. С. 52–61.

Толмачёв П.А. 2017. Великое княжество Литовское и Польша в Статейных списках Посольского приказа XVI в.: опыт описания иностранной монархии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* № 2. С. 84–92.

Флоря Б.Н. 2003. От потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи. Посполитой в 1655–1656 гг. *Kwartalnik historyczny.* 2(110). С. 25–49.

Флоря Б.Н. 2015. Россия и выборы в Речи Посполитой 1674 г. *Средние века.* Москва. 76(1–2). С. 269–290.

Чибинев В.М., Голованов Н.М., Макаров Д.А. 2008. В*озникновение, расцвет и упадок государственности Великого княжества Литовского.* Санкт-Петербург: Лема. 373 с.